

М. М. ОСТРОВСКИИ

ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Важнейшим опубликованным источником для изучения аграрного строя пореформенной России является земская статистика. Ее данные постоянно привлекались и привлекаются исследователями. Много работал с земской статистикой В. И. Ленин, который дал общие оценки земской статистики как источника, причем им были отмечены и ее достоинства, и ее недостатки: «Полнота подворных сведений и техника их собирания достигли высокой степени совершенства, но вследствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только „средние“ цифры».¹ Это замечание В. И. Ленина относится в основном к земским обследованиям крестьянского хозяйства, широко известным в отечественной историографии.²

Менее изучены описания владений земельных собственников. Теперь, когда интерес к проблемам помещичьего хозяйства возрос, разбор известных, но мало использованных в науке источников представляется обоснованным.

Характер земской статистики помещичьего хозяйства, как и крестьянского, обуславливался главными практическими задачами земских учреждений: необходимостью иметь материалы по доходности земель для раскладки налогов и выяснению продовольственных нужд населения.

Известно, что вначале земские повинности определялись в заранее установленных цифрах, без соответствия в большинстве случаев доходности земли. Огромное разнообразие экономических и социальных условий пореформенной России предопределило сложность выяснения потенциала земледелия и различные методы его исследования. Возникли значительные неудобства при сравнительном изучении материалов отдельных местностей. На совещании земских статистиков в Москве в 1889 г. были сформулированы цели и методы оценочных работ, а накопленный опыт в этой области был учтен при составлении закона 1893 г. «О правилах оценки недвижимых имуществ для обложения земскими

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 96.

² См.: Фортунатов А. Ф. Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. — В кн.: Итоги экономического исследования России. М., 1892; Степанов В. В. Земская сельскохозяйственная статистика. — Временник ЦСК Министерства внутр. дел., 1897, с. 3—25; Карышев Н. А. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892. Привлекались земские данные в работах советских историков: см.: Шестаков А. В. Капитализация сельского хозяйства России. М., 1924; Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961.

сборами».³ Заметим, что определение доходности крестьянских наделов, где каждый клочок земли был на учете и обрабатывался одинаковыми в основном способами в течение длительного времени, являлось менее затруднительным. Гораздо сложнее было проводить оценочные работы на обширных площадях частных владений, содержавших большой объем различных угодий и лесов. К тому же в имениях намного чаще менялись способы обработки почв, что также оказывало несомненное влияние на их доходность.

Таким образом, уже один этот вопрос показывал всю сложность и необходимость исследования помещичьего хозяйства.

Продовольственные нужды населения уездов тоже зависели от таких факторов, как высота арендных цен, форм, видов и условий аренды и т. п. А сведения о собственном хозяйстве владельцев позволяли земствам лучше оценивать доходность имения и степень его способности в обеспечении продукцией местного населения.

Каков же объем материалов земской статистики владельческого хозяйства? В подробной библиографии В. Н. Григорьева, по нашим подсчетам, содержатся разного рода сведения о частновладельческом землевладении в 143 уездах 26 губерний Европейской России.⁴ Из этого количества в 136 уездах проводились специальные местные исследования имений. По подсчетам известного экономиста и статистика Д. И. Рихтера, с конца 70-х по 1893 г. увидели свет издания статистики частных хозяйств по 125 уездам 19 губерний, в том числе по 75 уездам (15 губерний) табличные сведения по отдельным имениям.⁵ Понятно, что главная масса частновладельческой статистики, как и крестьянской, приходится на 80-е годы XIX в., годы крупнейшего сельскохозяйственного кризиса, глубоко затронувшего многие районы страны. Весьма полные исследования имений проводились в ряде уездов Центрально-промышленного района — Московской, Нижегородской и Тверской губерниях; в уездах Центрально-черноземного района — Орловской, Тамбовской, Курской губерниях; на юге — в Полтавской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях; на северо-западе: в Петербургской (единственный пример исследования частновладельческого хозяйства всей территории губерний), Новгородской, Псковской губерниях.

Отношение царской администрации к статистической деятельности земств было сложным и менялось во времени. Заинтересо-

³ Протоколы статистического отделения в 1889—1890-х годах. — В кн.: Юридический вестник, 1891, № 10, с. 69, 70. — Происхождение закона 1893 г. связано с заменой в 1888 г. подушной и оброчной подати бывших государственных крестьян поземельным налогом. Тогда потребовались многочисленные сведения о ценности и доходности земли.

⁴ Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов земско-статистических трудов с 1860-х годов по 1917 г., вып. I. М., 1926; вып. II, М., 1927.

⁵ Энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 24. СПб., 1894, с. 494.

ванное в исправном поступлении окладных и неокладных сборов с сельского населения, а также в успешном ведении торговли, в частности хлебном экспорте, правительство все острее нуждалось в разнообразных сведениях, касающихся состояния сельского хозяйства России. Так, 3 марта 1881 г. было образовано Особое постоянное совещание для рассмотрения статистических данных о сборах урожаев и продовольственной части, куда входили представители Хозяйственного департамента МВД, Департамента земледелия и сельской промышленности, а также министерств государственных имуществ и путей сообщения.⁶ Однако деятельность губернских статистических комитетов — органов ЦСК МВД на местах — была слабой по признанию самих царских чиновников,⁷ поэтому правительство постоянно прибегало к данным земской статистики. Уже в 1881 и 1884 гг. министром внутренних дел Д. А. Толстым были запрошены у губернаторов сведения о бюджетах земств, а также о работах земских статистических бюро и финансировании земских обследований.⁸ С другой стороны, правительство опасалось тесных контактов местного населения с земскими статистиками, среди которых было немало прогрессивно настроенной молодежи и студенчества. Тот же Толстой неоднократно требовал, чтобы все подготовительные материалы обследований и списки статистиков присылались лично ему, так как «в программах могли быть вопросы, вызывающие в крестьянском населении волнующие слухи и несбыточные надежды».⁹ Однако сама специфика оценочных работ, невозможных без широкой помощи населения, делала эти попытки малоэффективными. Обойтись без помощи земств правительство не могло. Это стало особенно очевидно после закона 1893 г. «О правилах оценки недвижимых имуществ — для обложения земскими сборами», когда весь технический труд по составлению кадастра был возложен сначала на уездные оценочные комиссии, состоящие из членов местной администрации во главе с предводителем дворянства.¹⁰ Неспособность последних справиться с порученным делом вынудила правительство обратиться к губернским земским управам. В 1899 г. для ускорения работ последним было выдано казенное пособие в миллион рублей, но эта сумма оказалась мизерной для 34 губерний Европейской России, и в дальнейшем оценочные обследования субсидировались большей частью самими

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 2, д. 214, л. 3.

⁷ Там же, д. 187, л. 8 об., 10 об. — Нередко эти комитеты состояли... из 1 секретаря и субсидировались не ЦСК, а земствами.

⁸ Там же, д. 234, л. 4; д. 264, л. 5.

⁹ Там же, д. 234, л. 4. — В 1902—1903 гг., по свидетельству бывшего министра внутренних дел Д. С. Сипягина, «беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях были во многом учинены земскими статистиками (числом более 500), наводнивших эти губернии». В 1904 г. были запрещены поездки статистиков в 12 земледельческих губерний (д. 607, с. 20—21).

¹⁰ Русов А. Краткий обзор развития русской оценочной статистики. Киев, 1900, с. 100.

земствами, как, впрочем, и до 1899 г.¹¹ Таким образом, данные земской статистики перерастают местные рамки и приобретают общероссийское значение.

Программы и способы описаний частновладельческого хозяйства сильно различались между собой, особенно в первые годы оценочной работы. В 1887 г. московскими статистиками был предложен проект единого краткого бланка для частных имений.¹² Массовые сведения, собранные статистиками разных губерний, соответствовали следующим рубрикам этого бланка: 1. Уезд, волость, название имения. 2. Имя, отчество, фамилия владельца, сословие. 3. Распределение земли по угодьям. 4. Постройки — жилые и нежилые. 5. Мертвый и живой инвентарь владельца (виды и количество орудий; поголовье и породы рабочего и продуктивного скота). 6. Число рабочих — годовых, сроковых, мужчин, женщин. 7. Состав и стоимость администрации. 8. Сдача земли в аренду (количество и виды угодий, время, состав арендаторов, платы, условия сдачи земли). 9. Размер экономической запашки. 10. Севооборот и количество удобряемой ежегодно земли. 11. Структура посевов. 12. Назначение скотоводства (мясное или молочное). 13. Примечания (сведения об оброчных и технических заведениях).

Сравнивая рубрики бланка со статистическим материалом по уездам многих губерний, можно убедиться, что его содержание зависело не только от специфики местных условий, средств земства и т. п., но и от способов сбора материалов и развития самой статистической науки. Так, при обследовании частного хозяйства Московской губернии в 1877—1878 гг. авторы ограничились цифрами распределения землевладения и экономической запашки по размерам владений и сословиям владельцев по сравнению с данными 1865 г.¹³ Массовые статистические показатели собственного хозяйства владельца, аренды и т. п. были заменены словесными описаниями отдельных имений губерний.

Не было единой программы и при описании земель Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, где большая часть материалов доставлялась самими владельцами, причем далеко не всего уезда.¹⁴ В некоторых районах Полтавской губернии, где практиковался тот же сбор сведений, более 40% владельцев не прислали

¹¹ Так, в 1903 г. на содержание статистических бюро и производство оценок земствами 34 губерний было отпущено 1 509 911 руб. Всего же на оценочное дело за 10 лет (1893—1903 гг.) было израсходовано более 7 млн руб. (Из текста совещания представителей МВД и Министерства финансов не совсем ясно, давались ли казенные пособия после 1899 г.). — ЦГИА, СССР, ф. 1290, д. 607, л. 424.

¹² Протоколы заседаний статистического отделения Московского юридического общества за январь—февраль 1887 г. М., 1887 г., с. 20—21, 47—48.

¹³ Московская губерния. Очерк хозяйства частных владельцев. М., 1879, с. 1—103 (приложения). — Правда, авторы указывали, что в сборник попал не весь собранный материал.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Борисоглебский уезд, т. I. Тамбов, 1880, с. III.

ответы.¹⁵ Это отразилось на качестве описания каждого имения, в которое не вошли важнейшие сведения о сословиях владельцев, количестве мертвого инвентаря, построек, состава администрации, хозяйстве арендаторов и т. п. И напротив, в статистике Хорольского уезда той же губернии, где обследование проводилось сотрудниками земской управы, отразились ценные особенности хозяйств, ведущихся сконщиной (испольно), масштабы съемки земли отдельными владельцами на стороне.¹⁶ В Мариупольском уезде Екатеринославской губернии статистики привели дополнительные данные о валовых урожаях на экономических запашках и цифры задолженности владельцев ипотечным учреждениям, что не было предусмотрено программой исследования.¹⁷

С середины 80-х годов XIX в. экспедиционный метод стал главенствующим, особенно при сплошном обследовании больших территорий. Одно из таких массовых описаний принадлежит статистикам Твери. В 1883 г. они одни из первых в земской практике составили программу, «приноровленную к условиям частного хозяйства, с вопросами о наемном труде, размерах собственного хозяйства и о переменах, происшедших в имениях за 20 лет».¹⁸ По этой программе (с небольшими изменениями) было описано частновладельческое хозяйство в 11 уездах губернии.

Новым статистическим приемом в работе явилось распределение имений не только по размерам и наличию владельческой запашки, но и по размерам самой запашки. Это позволяет историку яснее оценить масштаб земледельческого хозяйства как в общей структуре угодий, так и среди владельцев разных сословий. Статистики привели по каждому имению точные цифры всех экономических угодий, валовых урожаев зерновых культур, расходы на рабочих, повинности, стоимость построек. Эти сведения редки для массовой земской статистики 80-х годов, что делает описания особенно ценными.

Важными особенностями статистики частновладельческого хозяйства Петербургской губернии являются быстрота обследования (проведено менее чем за 2 года), полнота собранного материала, широкий круг источников, привлеченных статистиками.¹⁹ Рубрики

¹⁵ Очерки помещичьего хозяйства в уездах Гадячском и Лубенском. Полтава, 1886, с. 1; Очерки помещичьего хозяйства в уездах Золотошский и Кременчугский. Полтава, 1889, с. 1, 35—54.

¹⁶ Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губернии, т. VIII. Хорольский уезд, 1887, с. 14—47.

¹⁷ Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губ. Мариупольский уезд. Вып. 2. Екатеринослав, 1887, с. 426—435.

¹⁸ Ржевский уезд Тверской губ. Тверь, 1886, с. VII. — Там же приведены бланки, в один из которых записывался состав населения в помещичьих усадьбах.

¹⁹ Всего по губернии было учтено 7365 имений (1865 086. 67 дес.). Из них в 3315 мелких усадебных участках отмечалось только количество земли. См.: Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии. Частновладельческое хозяйство. Вып. XVII, 1895, с. 27.

предварительной программы, по которым был собран массовый материал, соответствуют всем пунктам единого бланка. Кроме того, были собраны данные о чересполосности имения (из скольких участков состоит, расстояние между ними); о расстоянии от столицы, уездного города, железнодорожной станции, судоходной реки, шоссе; о доле участия владельческого и крестьянского инвентаря в обработке пашни; указывались породы рабочего и рогатого скота, место жительства владельца (в имении или вне его).²⁰ В то же время сведения о стоимости построек, живого и мертвого инвентаря, урожайности, доходности полеводства, скотоводства, огородничества и технических производств в описание каждого имения не вошли.²¹ По сравнению с тверской статистикой, отразившей точную структуру владельческих угодий, петербургские статистики регистрировали только пашню. Зато приводились подробные данные о видах, формах и условиях аренды земель, указывался социальный состав арендаторов, размеры арендаторской запашки, условия сдачи угодий в субаренду, а также оброчные статьи и промышленные заведения в пользовании арендатора.²²

В основу сводных таблиц по уездам и губернии было положено, по словам авторов, 4 признака: 1. Территориальный — волость. 2. Юридический — размер имения и сословие владельцев. 3. Экономический — расстояние от Петербурга и рынков сбыта. 4. Естественный (почва и подпочва).²³ По каждому из этих признаков составлялись таблицы имений с владельческой запашкой, без нее и неносящих «сельскохозяйственного характера». Разделение хозяйств по характеру сбыта и наличию запашки являлось достаточно условным. Имения, в которых владельцы эксплуатировали лес, вряд ли можно причислить к «сельскохозяйственным». И, напротив, в число «несельскохозяйственных» имений нередко относились земли под садами, огородами, многие дачи сбывали молоко и т. п. Имения с владельческой пашней часто представляли отработочные хозяйства, главная доля труда в которых принадлежала местным крестьянам. Группировка четырех признаков только по наличию владельческого хозяйства затуманивала специфику землевладения разных сословий. Например, нельзя было определить разницу между имениями дворян и крестьян по качеству почвы и расстоянию до рынков сбыта.

В своей работе авторы пользовались данными Петербургского нотариального архива (открыт в конце 1867 г.), содержащими ценные сведения о земельных ценах, купле-продаже земли; юридическими описаниями сенатора Цеймерна по истории многих имений, инвентарями земских управ, изданиями губернского ста-

²⁰ Там же, с. IV.

²¹ Лишь в сводном выпуске собраны отрывочные цифры местных исследований и земельных банков о некоторых из вышеперечисленных показателей.

²² Материалы по статистике..., вып. XVI (Петербургский уезд). СПб., 1891, с. 90—93.

²³ Там же, вып. XVII, с. XIV.

статистического комитета 1865—1867 гг., где имелись списки земельных владений помещиков, а также книгами и отчетами Управления государственными имуществами и удельного ведомства.²⁴ Многочисленность источников выгодно отличает петербургскую статистику от аналогичных работ по другим губерниям, основанных главным образом на окладных книгах местных управ.

С начала 90-х годов XIX в. приемы и содержание земской статистики претерпели изменения. По закону 1893 г. «О правилах оценки недвижимых имуществ...» уезды делились на экономические районы для выведения средних норм доходности угодий в каждом из них.²⁵ Это обусловило появление статистических территориально-оценочных исследований, цели и задачи которых заключались в сборе материала о ценности и доходности земли. Определение ценности земли достигалось распределением ее на угодья и подразделением последних на разряды по качеству земли. Но деление на разряды по закону 1893 г. было необязательным.²⁶

В основу расчетов средней доходности земель принимались данные о производительности почвы, сведения о местных ценах на труд и сельскохозяйственные продукты.²⁷ В качестве необходимого источника для оценочной работы стали привлекаться данные Генерального и Специального межеваний. Без них нельзя было точно определить принадлежность владения к соответствующей учетной даче и приступить к индивидуальной оценке имения, т. е. к приложению средних норм доходности к его угодьям.

Примером такого оценочного исследования может служить описание земель Фатежского уезда Курской губернии.²⁸ Главное внимание статистиков было обращено на выяснение производительности полевого хозяйства владельца. С этой целью были собраны массовые сведения о структуре сельскохозяйственных культур в озимом и яровом клине, их урожайности, степени удобренности. Кроме того, указаны способы обработки этих полей в имениях разных размеров и сословий владельцев. Точно приводятся цифры площадей, обрабатываемых постоянными рабочими, поденными, сдельно, за угодья и т. п. На основании данных о качестве почвы и способах ее обработки курские статистики впервые создали шкалу распределения имений по оценочно-пахотным районам. Это способствовало более правильному и объективному обложению их земскими повинностями.

²⁴ Подробнее см. предисловие к XVII выпуску «Материалов по статистике...», с. I—XVIII.

²⁵ ПСЗ, 1903, с. 12, ст. 68.

²⁶ Там же, ст. 69. — Поэтому сведения о разрядах почв встречаются крайне редко в земских обследованиях.

²⁷ Там же, ст. 70. — При затруднениях статистики могли прибегать к оценкам кредитных учреждений и арендным ценам на землю.

²⁸ Фатежский уезд. Сборник оценочно-экономических данных, т. I, вып. I. Курск, 1897, с. 1—79.

Тем же достоинством обладает статистика частного хозяйства отдельных уездов Псковской губернии.²⁹ В большинстве имений губернии было сильно распространено издолье. С помощью ряда комбинированных таблиц авторы сумели показать особенности хозяйств издольщиков, существующих при пашне помещика и вне ее, а также организацию труда на владельческой и издольной запашке. Последнее достигалось точным перечислением количества земли, обрабатываемой разными способами, и ее урожайностью, т. е. тем же приемом, каким пользовались курские статистики. В очерке по Опочецкому уезду авторы привели уникальный материал о чересполосном землевладении, имеющем своим происхождением товарищескую покупку участка земли или семейные разделы того же участка.³⁰ В программу описания чересполосных владений включались данные о хозяйствах владельцев, живущих на купленных землях (угодья, способ эксплуатации, скотоводство, наемный труд и т. д.) и не живущих на этих землях (те же рубрики). Там же приведены сведения о доходности этих земель по сравнению с участковыми владениями и крестьянскими наделами.

Возникает вопрос: как цифровой материал земских обследований соотносится с показаниями других источников? Сравним данные главных категорий земельной собственности по Курской и Петербургской губерниям с государственными переписями 1877 и 1905 гг. (см. таблицу).

Как видим, итоговые результаты довольно близкие. В Курской губернии разница между данными частной собственности объясняется тем, что земские статистики не учитывали городских земель, приписанных к частному землевладению. В свою очередь цифры ЦСК по надельному владению относились к 1877—1878 гг., когда не все крестьяне перешли на выкуп, при котором происходили изменения в размерах их надела. Значительно меньшее количество государственных, церковных и прочих земель, зарегистрированное курскими статистиками, получилось из-за того, что церковные владения не облагались земскими сборами и не были внесены в окладные книги местных управ.³¹ В Петербургской губернии земское обследование, основанное на огромном документальном материале, полнее отразило данные земельной собственности, чем переписи. Следует также учесть особенности природных условий губернии. Так, в имении Лахта графов Стенбок—Фермор, находившегося у берегов Финского залива, по отдельному акту на владение было 3526,4 десятины земли, а по таксационной описи частного межевания

²⁹ Псковская губ. Новоржевский уезд, вып. III. Крупное частновладельческое хозяйство. 1907, с. III—V. — На основании данного обследования была проведена новая раскладка налогов (Опочецкий уезд, вып. III. Частновладельческое хозяйство. Псков, 1911).

³⁰ Опочецкий уезд... с. 50.

³¹ Курская губерния... с. 86—87.

Сравнение цифровых данных категорий земельных владений по материалам государственных переписей 1877 и 1905 гг. и земской статистики Курской и Петербургской губерний 1887—1889 гг.*

Губерния	1877 г.				1905 г.				Земская статистика 1877—1889 гг.			
	частная собственность	надельная земля крестьян	государства, церкви, и учреждения	итого	частная собственность	надельная земля крестьян	государства, церкви и учреждения	итого	частная собственность	надельная земля крестьян	государства, церкви и учреждения	итого
Курская	1 426 851	2 437 032	110 007	3 993 890	1 391 812	2 455 363	117 457	3 964 632	1 381 710	2 512 067	52 066	3 945 823
Петербургская	1 899 454	1 046 124	799 071	3 644 649	1 898 527	1 030 952	534 664	3 464 143	2 152 082	1 143 823	711 126	4 007 032

* Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907, с. 41; Материалы по статистике народного хозяйства Частно-владельческое хозяйство Петербургской губернии, т. XVII, 1895, с. 2—3; Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887, с. 83.

1906 г. уже 4053.3 десятины. Разница произошла вследствие увеличения береговой полосы.³²

Показатели земской статистики можно сопоставить с оценочными описями имений Государственного дворянского земельного банка. Например, имение Вруда в Ямбургском уезде Петербургской губернии в 1886 г. было оценено банком, а в 1888 г. исследовано земскими статистиками.³³ Приводим результаты сравнения по некоторым важнейшим компонентам помещичьего хозяйства:

Земская статистика (1888 г.)	Дворянский банк (1886 г.)
Владелец: В. А. Тизенгаузен (барон) (приобретено им в 1887 г. за 85 тыс. руб.)	В. В. Адлерберг (граф) (Год покупки не указан)
Состоит из 3 участков (7—15 верст)	3 участка
Структура угодий:	
усадебная — 10	10
пашня — 268	270
сенокос — 123	123.709
выгон — 1556.4	1556.089
лес — 1523.6 (323 — выруб)	1421, 1386 (400 — выруб)
удобной 3481.3	3480
всего — 3701	3701
экономической запашки — 268.9	пашня — 200 дес. 9 полье
исполье	Обработка 90 дес. пашни рабочими
55 дес. удобряется	и крестьянами за выгон.
экономическим инвентарем —	
117 дес.	
крестьянским — 100 дес.	
всего 217 дес.	
Владелец в имении не живет	Не живет
Все имение в аренде ревельскому уроженцу за 3750 руб., на 12 лет (с 1880 г.)	Сдано в аренду лифляндцу с 1880 г. на 12 лет (в первые 2 года 2500, в другие 2 года — 3000, 4 последних — 3700 руб.)
Молоко па 1250 руб.	Молочные скопы в Петербург в собственную лавку (8 коп. за кружку)
Субаренда:	
погодно выгон за отработки 33.5 дес. озими и 33.5 дес. (по местным ценам 1420 руб. — подсчеты наши, — М. О.)	За право выгона скота крестьяне 4 деревень отрабатывают арендатору до 2000 руб. (поэтому арендная плата выгодна арендатору)
Лошадей 20, рогатого скота 80, 7 овец, 30 свиней	Скот и инвентарь арендатора в описях обычно не указывался
Структура посевов:	
рожь — 48	43
овес — 40	60
картофель — 29	30
ячмень — 27	30
трава — 50	клевер — 165
прочее — 19	
пар — 55	30

³² ЛГИА, ф. 2259, оп. 1, д. 10, л. 5. — Каждое увеличение полосы, по сообщениям местных жителей, давало в среднем свыше 100 дес. прироста.

³³ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 15 д. 2383; Материалы по статистике Петербургской губ. . . , вып. IX, с. 50, 66.

Можно убедиться, что данные обоих источников не только близки, но и дополняют друг друга, расширяя наше представление о хозяйстве. Укажем, что статистики имели при себе описи земельных банков в качестве корректирующих данных.³⁴ Не переписывали ли они просто банковскую опись? Сравним данные по имению Касково (Петергофский уезд), которые исследовались статистиками, а затем оценщиками дворянского банка:³⁵

Земская статистика 1888—1889 гг.	Дворянский банк 1891 г.
Владелец: князь В. Барклай де Толли Веймарн (приобретено до 1868 г.)	Тот же. Получено по духовному завещанию от отца П. Ф. Веймарн
1 участок	—
Структура угодий:	
усадьба — 28	22
пашня — 102	138
покос — 110	110
разных угодий — 79	84
выгон — 240	260
лес — 577	584
удобной — 1136	1198
всего — 1150	1218
экономической запашки — 102,10-полье	За счет владельца 107 дес. пашни и 10 дес. луга
15 дес. удобряется экономическим инвентарем 7,5; крестьянским — ?	
Владелец в имении не живет	Не живет
Лошадей 9, коров 44, быков 2, 8 телят, 6 плугов, 7 сох, 10 борон, 1 сеялка, 1 молотилка 2 конных граблей, 8 телег.	Лошадей 9, коров 50 (вместе с телятами?), быков 2, 8 плугов, 6 сох, 10 борон, 1 сеялка, 1 молотилка, 1 веялка, 7 телег.
Рабочих годовых: 5 по скотоводству, 7 полевых, 2 проч.	11 рабочих (9 полевых)
20 мужских отработочных дней	
Управляющий — 480 руб.	Управляющий И. И. Фрейберг 500 руб.
Структура посевов:	
рожь — 20	21
овес — 20,5	21
ячмень — 12	10
картофель — 1,3	1,5
травы — 26,7	клевер — 31
пар — 21,5	луг — 10
Аренда:	
погодно, по лесу	Аренда краткосрочная: за выпас скота и косьбу в лесу крестьяне 2 деревень отработали полные дни, убирают клевер, луга, жнут рожь — всего на 782 р. 25 к.
400 дес. — за отработки, 100 копных, 20 пеших дня и выжать 9 дес.	на срок 84 дес. за 273 р. 50 к.
на срок 79 дес. — поселенцам на 12 л. (3 г. бесплатно, потом 2 р. 3 к. дес., затем по 3 руб.)	

³⁴ Материалы по статистике... , вып. XVII, с. XIII.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 15, д. 2103; Материалы по статистике... , вып. XI, с. 4—7.

Оказывается и в этом случае сведения во многом совпадают. В задачу статьи не входит подробный анализ банковской документации. Заметим только, что несмотря на разные цели описания имений (в одном случае народнохозяйственные, в другом — финансово-кредитные), статистики и оценщики банка прибегали к идентичным источникам: планам имений, документам нотариальных учреждений, земских управ, волостных правлений, хозяйственным книгам и арендным договорам, а также словесным показаниям местного населения. Однако материалы земской статистики имеют то известное преимущество, что они опубликованы, систематизированы, составлены в таблицы и удобны для научного использования. Но в архивных банковских описях приводятся массовые сведения о доходности и капиталах имений, чего нет в большинстве земских изданий. Сравнение данных обоих источников открывает перспективу рассмотрения социально-экономических процессов в динамике, что явится новым шагом в изучении пореформенного помещичьего хозяйства России.

А. И. КУПАЙГОРОДСКАЯ

О ДАТИРОВКЕ ЛИСТОВОК

(По материалам листовок петроградских большевиков
1918—1920 гг.)

В археографической практике, как и в практике любой исследовательской работы с историческими источниками, давно сложились методы датирования документов. Археограф следует этим общим правилам вне зависимости от того, с каким документом он имеет дело. Но это не означает, что при датировании документов определенного вида не существует особых, диктуемых спецификой данного вида приемов. О таких специфических приемах можно с полным основанием говорить и в отношении листовок.

Настоящее сообщение является попыткой обосновать некоторые стороны методики датирования листовок на основе листовок петроградских большевиков, изданных в период гражданской войны. Очевидно, что любой документ, прежде чем он будет использован в качестве исторического источника, должен быть датирован, причем как можно точнее. На необходимость особо точной датировки именно листовок ввиду их специфического злободневного характера исследователи указывали неоднократно.¹

¹ См.: Валк С. О приемах описания нелегальной листовки. — Библиография, 1929, № 2—3, с. 15—26; Софинов П. [Рец. на кн.:] Листовки